

Белинский А.В.¹

Гипотеза Пуанкаре² на «великой шахматной доске»: сможет ли ЕС стать полюсом силы в XXI столетии?

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, сможет ли Европейский союз стать полюсом силы в XXI в. Отмечается, что европейская интеграция изначально задумывалась как проект, призванный способствовать преодолению вражды между европейскими народами, врачеванию ран, нанесенных Старому Свету двумя мировыми войнами, а также экономическому развитию. После окончания холодной войны в 1991 г. и создания Европейского союза в 1992 г. для стран континента наступил период относительной политической стабильности и экономического роста. Однако, обретя политическую субъектность, ЕС не стал в полной мере полюсом силы, как США, КНР или РФ. Нарастающее количество вызовов в мировой политике (переориентация внешней политики США с европейского направления на азиатско-тихоокеанское, миграция, терроризм и т.д.) постепенно подвело европейские элиты к выводу о необходимости активизации процесса экономической и военной

¹ Белинский Андрей Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, ИНИОН РАН; belinskii_andrei@mail.ru

² Гипотеза Пуанкаре – математическая гипотеза, предложенная в 1904 г. французским математиком Анри Пуанкаре; в 2000 г. вошла в список «семи математических задач тысячелетия», составленный кембриджским Математическим институтом Клэя, была доказана в 2002–2003 гг. российским математиком Григорием Перельманом, спустя 100 лет после того, как была сформулирована. (Прим. ред.)

интеграции для защиты своих интересов на мировой арене. Победа Д. Трампа, Брекзит, ухудшение отношений ЕС с Россией и, наконец, события 2022 г. ускорили этот процесс. В статье анализируются вызовы и проблемы, с которыми ЕС придется столкнуться в ближайшее время. Особое внимание уделено оценке экономического, военного и политического потенциала Евросоюза, а также способности ЕС отвечать на внутренние и внешние вызовы. Рассматриваются различные сценарии развития событий в среднесрочной перспективе. Делается вывод о том, что ЕС может стать полюсом силы лишь при условии достижения относительного политического единства и создания боеспособных вооруженных сил. Но это, безусловно, потребует от Евросоюза не только выработки новой стратегии, но и немалых усилий.

Ключевые слова: ЕС, ФРГ, США, военное строительство, кризис системы международных отношений.

Европейский проект: детство, отрочество, юность

«Всякая война между европейцами есть гражданская война», – писал великий французский писатель В. Гюго, чей отец, Жозеф Гюго, прошел через горнило Наполеоновских войн и дослужился до генеральских эполет.

И в период «долгого девятнадцатого столетия» (Э. Хобсбаум), и в более ранний период, не говоря уже о XX в. (веке «колючей проволоки»), война была такой же неотъемлемой частью европейской повседневности, как свадьба, крестьяне или сбор урожая. На протяжении многих столетий борьба за испанское или австрийское наследство, старые территориальные споры или даже «защита» личной части [Егорова-Гантман, Егорова, 2022] становились причиной для использования «*ultima ratio regum*» (лат. «последний довод короля»). Нередко военные конфликты на территории европейского континента приобретали характер всесокрушающего библейского потопа, как это было в ходе Тридцатилетней войны (1618–1648), Наполеоновских войн (1803–1815), Первой и Второй мировых войн. Последняя ввергла европейские народы в пучину невиданных бедствий, попутно продемонстрировав, какую огромную опасность представляет собой сочетание национального эгоизма, введенной в абсолют идеи о расовом превосходстве, пассивности граждан и политической слепоты великих держав.

Разбомбленные до основания стариинные немецкие города Кёльн, Нюрнберг, Гамбург, тысячи обгоревших оставов бронетехники стран Оси и союзников на полях Франции, развалины знаменитого итальянского монастыря Монте-Касино, скелеты бараков концентрационных лагерей – такой осталась в памяти современников весна 1945 г. Шок от катастрофы 1939–1945 гг. был чрезвычайно велик как в стане победителей (в первую очередь, в Англии и Франции), так и в лагере побежденных, вынужденных испить горькую чашу поражения. Европейский проект был рожден из осознания передовыми умами той эпохи (Ш. де Голль, Р. Шуман, К. Аденауэр и др.) бессмысленности и пагубности любых военных конфликтов на континенте и необходимости установления мира в Западной Европе. Совместное участие в католической мессе глав Франции и ФРГ в знаменитом Реймском соборе (месте коронации французских королей) в 1962 г., которое должно было знаменовать примирение двух европейских наций, было подкреплено рядом практических шагов на политической арене. Появление Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) в 1951 г. и Европейского экономического сообщества в 1957 г. и проект (пусть и неудавшийся) создания общеевропейской армии свидетельствовали о стремлении к преодолению застарелой вражды между народами континента и созданию общеевропейского дома, если не «от Лиссабона до Владивостока» (Ш. де Голль), то, по крайней мере, от Ла Манша до Рейна¹.

В 1970–1980 гг. динамика развития европейского проекта несколько замедлилась из-за бюрократических препон и жестких рамок международных отношений, однако поднятый «бархатными революциями» и крушением «железного занавеса» ветер перемен наполнил новой динамикой паруса корабля под названием «Европ интеграция», а Мaaстрихтский (1992) и Амстердамский договоры (1997) должны были наконец, после четырех десятилетий странствий по бурным волнам мировой политики, привести его в гавань

¹ Важно отметить, что европейская интеграция рассматривалась в первую очередь как политический и отчасти экономический проект. Что касается военной составляющей, то она практически полностью была отдана на откуп НАТО и США, которые в период холодной войны играли ключевую роль в обороне Западной Европы.

благоденствия и процветания. Желание восточноевропейских стран войти в европейскую семью народов вкупе с налаживанием отношений с Россией, казалось бы, превратили мечту генерала де Голля в быль.

Однако после интеграции бывших стран соцлагеря, сопровождавшейся бравурными речами европейских политиков, упивавшихся своим триумфом, стало очевидно, что объединенная Европа вступает в принципиально новый этап развития. Бывший советник Дж. Картера, известный американский политолог З. Бзежинский прозорливо писал: «конец раздела Европы не должен стать шагом назад, к Европе ссорящихся государств-наций. Наоборот, этот процесс должен стать отправным моментом для формирования более обширной Европы» [Бзежинский, 1999, с. 200]. После окончания холодной войны Европа, располагавшая 450-миллионным населением, промышленностью, развитой наукой, но не привыкшая сообща вести свою партию на «великой шахматной доске», фактически оказалась в роли «великой державы поневоле». И хотя периодически ЕС пытался проводить самостоятельную политику, однако в целом он либо следовал в фарватере политики Вашингтона, либо уступал авансцену национальным государствам, чья подчас эгоистичная внешняя политика нередко шла вразрез с общеевропейскими интересами¹.

Причины затянувшегося политического «отрочества» Евросоюза столь же многообразны, как и число культур и языков народов, населяющих его. Во-первых, сказывалась инерция холодной войны, в ходе которой именно Соединенные Штаты во многом определяли курс Евро-Атлантического сообщества². Многие европ-

¹ Наглядным примером может служить военная интервенция Франции и Великобритании в Ливию в 2011 г., следствием которой стали создание зоны нестабильности в Северной Африке и поток нелегальных мигрантов в страны ЕС. Примечательно, что ФРГ, традиционный союзник Франции, воздержалась от поддержки мятежников в Ливии и воздержалась при голосовании по резолюции № 1973 в СБ ООН.

² Безусловно, и в период холодной войны некоторые страны Западной Европы могли демонстрировать открытую фронду в отношении США, как в случае Франции, которая при де Голле вышла из военной организации НАТО. Однако в целом западноевропейские государства сверяли свои политические «часы» с вашингтонским временем.

пейские политики, в особенности представители старшего поколения, хорошо помнившие план Маршалла или блокаду Западного Берлина, предпочитали по-прежнему ориентироваться на Вашингтон при принятии того или иного решения. Во-вторых, отсутствие политического единства внутри ЕС («старая» и «новая» Европа, особая позиция Великобритании и т.д.) естественным образом тормозило формирование общеевропейской позиции, а вместе с этим – препятствовало обретению заветного статуса полноценного игрока на мировой политической арене. И, наконец (и это, пожалуй, главная причина политической летаргии, в которую впал ЕС), 2000-е годы стали своего рода новой «Belle Époque»¹ в истории европейского континента. Несмотря на ряд экономических кризисов, сокращение среднего класса и формирование зон экономического застоя, этот период в целом стал для многих стран Старого Света временем экономического процветания и политической стабильности. С начала 1990-х годов и до 2022 г. ВВП Евросоюза увеличился с 6 337 710,4 млн долл. до 15 806 899,3 млн долл. [European Union ... , 2023]. Благоденствие Европы в этот период во многом базировалось «на трех китах»: 1) сохраняющееся военное присутствие США в Европе, избавлявшее многих политиков европейских стран от необходимости неудобного выбора между «маслом» и «пушками»; 2) в целом дружеские отношения с РФ, которая была одним из крупнейших поставщиков энергоресурсов для ЕС и торговых партнеров; 3) стремительный подъем китайской экономики, который обеспечил высокий спрос на европейские товары. Таким образом, период с 2000 по 2014 г. стал, с одной стороны, временем экономического благополучия, политической стабильности и расширения связей с различными акторами мировой политики (РФ, КНР, страны Юго-Восточной Азии), с другой – временем упущенных возможностей в плане обретения политической субъектности. Так, например, всячески декларируя приверженность дружбе с Россией, Евросоюз так и не сумел выработать оптимальную стратегию в отношении Москвы, которая позволила бы избежать дальнейшей конфронтации. «На Западе ожидали, что Россия

¹ «Belle Époque» (фр. «прекрасная эпоха») – период с 1871 по 1914 г. в Европе, характеризующийся экономическим ростом, отсутствием крупных военных конфликтов, расцветом науки и искусства.

интегрируется в трансатлантическую систему безопасности. Но в сущности это означало, что она должна отказаться от самостоятельности независимого центра силы в мировой политике и принять цели западных держав», – с горечью констатировал бывший советник канцлера Г. Коля по вопросам внешней политики Х. Тельчик [Teltschik, 2019, S. 183].

Однако к середине 2010-х годов относительно безмятежный политический небосвод Старого Света, который по-прежнему видался лидерам ЕС исключительно в пастельных тонах, стали завоевывать тучи великих грядущих потрясений. События весны 2014 г. хотя и стали переломным моментом в отношениях между ЕС и Россией, имели длительную предысторию, уходящую корнями в 1990-е годы. Впрочем, и на западных границах Евросоюза политический климат стал постепенно ухудшаться. Разворот «авианосца» внешней политики Соединенных Штатов в сторону Восточной Азии (речь Б. Обамы в Канберре в 2011 г.), вновь и вновь возникающая проблема необходимого отчисления двух процентов ВВП на оборонные нужды и, наконец, пришествие Д. Трампа в Белый дом к ужасу политического бомонда по обе стороны Атлантики стали настоящим «Paukenschlag» (нем. «удар в литавры») для Старого Света, привыкшего полагаться на поддержку заокеанского союзника. А накатывающиеся волны миграции из стран Ближнего Востока и Северной Африки, миграционный кризис, за которым последовал подъем правопопулистских и националистических сил, лишь усиливали общее ощущение завершения большого этапа в истории европейского континента и наступления новой реальности, пока еще скрытой в дымке неизвестности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 2017–2019 гг. представители политического истеблишмента ЕС почти в унисон стали говорить о необходимости обретения стратегической независимости. Э. Макрон даже отметил, что Европе необходимо начать думать о себе как о самостоятельной geopolитической силе, в противном случае она «не будет контролировать свою судьбу» [Макрон заявил ... , 2019]. Эта же идея прослеживалась в принятой еще в 2016 г. Глобальной стратегии Европейского союза, предусматривавшей достижение стратегической автономии.

Февраль 2022 г. ускорил эту тенденцию, поставив Евросоюз перед сложной дилеммой, суть которой очень точно сформулиро-

вал колумнист влиятельного издания «Foreign Affairs» Т.Г. Эш: «как ни парадоксально, чтобы сохранить свое постимперское будущее и противостоять России, ЕС должен обрести некоторые черты, присущие империи» [Ash, 2023].

Таким образом, к концу 2010-х – началу 2020-х годов в европейских элитах сложился консенсус относительно политического «взросления» и необходимости обретения статуса полноценного игрока на «великой шахматной доске». Однако обретение стратегического суверенитета осложняется не только тем, что для этого заданы жесткие временные рамки, но и тем, что, в отличие от США, РФ и Китая, Евросоюз представляет собой наднациональное образование, в котором к многообразию культур и языков примешивается и многообразие политических интересов как крупных держав, так и региональных игроков. Сможет ли ЕС привести свои страны и регионы к единому политическому знаменателю, провести необходимые преобразования и обрести статус полюса силы?

«Тузы» и «двойки»

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно «без гнева и пристрастия» всесторонне проанализировать как достоинства, так и слабости Евросоюза на современном этапе и на основе полученных вводных данных создать «дерево возможных вариантов». Большинство экспертов, вне зависимости от их принадлежности к той или иной школе исследователей международных отношений (реалисты, либералы и т.д.), согласны с тем, что в современном мире атрибутами великой державы являются военная сила, экономический потенциал, политическое единство и эффективность работы институтов, «мягкая сила», наличие союзников. Именно эти критерии положены в основу наших аналитических размышлений.

«Кому следует звонить, если я хочу поговорить с Европой?» – эта ставшая практически «классической» полушутиливая фраза бывшего госсекретаря Соединенных Штатов Г. Киссинджера, которая в свое время обошла все ведущие таблоиды мира, очень точно отражает основную проблему ЕС. Начавшаяся в 1950-х годах интеграция Европы, еще не забывшей катастрофу Второй мировой, изначально была направлена на создание союза равноправных, свободных, демократических государств, который должен был стать антиподом традиционной имперской модели «объеди-

нения» народов Старого Света, реализовать которую на практике «огнем и мечом» пытались в разное время испанские короли Карл V и Филипп II, целая плеяда французских политиков, начиная с кардинала Ришелье и заканчивая Наполеоном Бонапартом, а в XX столетии – стремившаяся занять свое «место под солнцем» Германия. Новый подход к интеграции, с одной стороны, позволял в большей степени достичь соответствия с декларируемым принципом равноправия европейских стран, но, с другой – одновременно в определенной степени тормозил процесс. В процессе интеграции Европа обрела ряд органов центрального управления (Еврокомиссия, Европарламент и т.д.), а в европейской семье народов выделились два лидера – ФРГ, являющаяся «экономическим мотором» ЕС, и Франция, располагающая ядерным потенциалом и местом в Совете Безопасности ООН. Но, несмотря на это, необходимость формирования единого политического «кулака» по-прежнему остается одной из ключевых проблем ЕС. Во многом такое положение дел связано, с одной стороны, с большим количеством бюрократических препон и правил [Weidenfeld, 2021, S. 87], а с другой – с сохраняющимися региональными различиями внутри ЕС.

Наметившееся еще в прошлые годы «похолодание» в отношениях между «старой» (ФРГ, Франция, Брюссель) и «новой» (восточноевропейские страны) Европой было обусловлено целым рядом факторов – от «недостаточных» успехов новых членов европейской семьи в высшей школе демократии до миграционной политики Польши и Венгрии и бурных страстей, связанных со строительством «Северного потока-2». Конфликт на территории Украины привел к внешнему сплочению стран ЕС, выступивших единым санкционным фронтом против России. Однако в реальности этот конфликт, как это ни парадоксально, лишь еще больше углубил давно вырытую «траншею» в отношениях между западной и восточной частями Старого Света, возникшую из-за взаимных упреков, недоверия и личных амбиций. Относительная «медлительность» лидеров ЕС, которая весной 2022 г. весьма отчетливо контрастировала с решимостью, с которой Варшава, Прага и Братислава принялись наращивать военные поставки Украине, стала поводом для взаимной критики. Однако гораздо важнее то, что события 2022 г. привели к своего рода перераспределению влия-

ния с запада на восток. Польша (а вместе с ней и ряд других ряд стран региона, такие как Чехия и Словакия) заняли «почетное» второе место по оказанию военной помощи Киеву, уступив «пальму первенства» только Лондону. «В то время как Польша и страны Балтии возглавили кампанию по поддержке Украины, попутно заполняя образовавшийся после начала конфликта вакуум [силы. – А. Б.], европейские традиционные лидеры, Германия и Франция, выглядели так, словно были парализованы», – писала в январе 2023 г. газета «New York Times» [Erlanger, 2023]. Впрочем, польские правящие круги занимались не только вооружением ВСУ, но и предпринимали усилия по созданию самых крупных сухопутных войск в Европе [Polen will mehr..., 2023]. С учетом географического положения восточноевропейских стран, которые фактически оказались на передовой противостояния «коллективного» Запада и РФ, и постоянно прибывающих в страны Восточной Европы контингентов американских войск, можно предположить, что мы наблюдаем создание нового центра силы, ядро которого составляют страны Восточной Европы. Поэтому вполне можно ожидать, что в ближайшей перспективе «новые» европейцы, чьим неформальным лидером стремится стать Польша, потребуют своей доли властного «пирога» от Брюсселя, Парижа и Берлина.

Далеко не безоблачны дела и во франко-германском тандеме, который на протяжении многих десятилетий был «мотором» европейской интеграции, а затем стал ядром Евросоюза. Хотя политики в Париже и Берлине постоянно подчеркивают важность сотрудничества двух стран для будущего Европы, однако никакие торжественные мероприятия не в состоянии скрыть от внимательного наблюдателя тот факт, что отложенный усилиями Ш. де Голля и К. Аденауэра, Г. Шмидта и В.Ж. д'Эстена, Ф. Миттерана и Г. Коля «мотор» франко-германского сотрудничества все чаще и чаще стал давать сбои.

Взаимные обиды и разочарования, накопившиеся за долгие годы в политических кругах обеих стран, все чаще оказываются достоянием общественности. Так, в 2023 г. увидели свет воспоминания Клода Мартина и Мориса Гурдо-Монтанье, поочередно занимавших сколь почетный, столь же и сложный пост посланника Франции в Берлине. «Атланты» дипломатической службы, «расправившие плечи» после долгих лет службы в Пятой республике,

без присущей их профессии сдержанности довольно откровенно поведали об острых проблемах в отношениях Парижа и Берлина, которые на протяжении многих лет «заметались» под красную дорожку, заботливо расстилаемую перед тем или иным лидером. «Свою критику состояния отношений [Франции и ФРГ. – А. Б.] авторы иллюстрируют в том числе на примере регулярно проводимых встреч Совета министров... Мартин пишет, что он принимал участие в 28 встречах, которые он называет “громоздкими церемониями”» [Ross, 2023].

На региональные разногласия внутри европейской семьи народов накладывается громоздкая бюрократия ЕС, а также общая слабость политического лидерства в большинстве стран Евросоюза. Уход «из высшей лиги» в 2021 г. А. Меркель в еще большей степени обнажил «блеск и нищету» элит стран ЕС. Практически ни один из ныне действующих европейских лидеров не обладает тем авторитетом и опытом, который обеспечил А. Меркель политическое долголетие¹. Вместе с тем не следует и преувеличивать политическую слабость ЕС, о которой в последнее время так много говорят аларамистски настроенные эксперты и журналисты. Несмотря на целую «палитру» разногласий по ряду острых вопросов (фискальная, экономическая политика, разделение полномочий между Брюсселем и национальными государствами и т.д.), Евросоюз все же обладает достаточным потенциалом для преодоления застарелых противоречий и движения вперед по пути дальнейшей интеграции.

С момента подписания Маастрихтского договора (1992) на континенте выросло два поколения, идентифицирующих себя с Европой и ее будущим. Именно они (наряду с тесными экономическими связями) должны стать тем «клеем», который скрепляет ЕС. Одновременно Евросоюз нарастил политические «мускулы» в виде наднациональных органов (Европарламент, Еврокомиссия и т.д.), которые должны укреплять единство континента.

Внутри политического истеблишмента Старого Света еще с момента избрания Д. Трампа президентом США постепенно выработался консенсус относительно необходимости обретения стратегической автономии и превращения ЕС в полюс силы. А невидан-

¹ Слабость европейской элиты становится еще более очевидной в сравнении с политиками середины XX в. (К. Аденауэр, Ш. де Голль, У. Черчиль и др.).

ное со времен Берлинского (1961) и Карибского (1962) кризисов противостояние Запада и России стало катализатором этого процесса. Принятие ряда важных документов (Глобальная стратегия ЕС и др.), призванных стать стратегическим компасом ЕС в неспокойном море мировой политики, наглядно иллюстрирует данную тенденцию.

С неменьшим количеством вызовов Евросоюзу придется столкнуться и в экономической сфере, которая уже сейчас подает тревожные сигналы. Безусловными преимуществами Европы являются крупный внутренний рынок сбыта, единая валюта, облегчающая перемещение товаров, высококвалифицированная рабочая сила и ряд флагманских отраслей промышленности (автомобилестроение, машиностроение, химическая отрасль), которые обеспечивают Старому Свету прочные позиции на мировых рынках, позволяя конкурировать с другими странами.

Вместе с тем на доселе относительно безоблачном горизонте уже собираются «тучи» экономических проблем, каждая из которых в ближайшем будущем может стать серьезным вызовом для ЕС. В частности, следует отметить медленно, но верно снижающуюся долю ЕС в мировом ВВП, сократившуюся с 25,86% в 1980 г. до 14,55% в 2022 г. [GDP based ... , 2023].

Взаимовыгодное сотрудничество между Европой и СССР (впоследствии РФ) в энергетической сфере, начатое когда-то подписанием исторического договора «Газ – трубы» (1970), стало одной из первых жертв нынешнего международного кризиса, который некоторые политологи уже именуют новой холодной войной. Страны – участницы ЕС, практически полностью лишившиеся поставок энергоресурсов из России за несколько месяцев ожесточенной санкционной войны, были вынуждены в экстренном порядке менять свою политику в этой сфере. Увеличение поставок газа из Норвегии (которая стала «главным поставщиком двора» Его Величества ЕС в 2022 г.), подписание новых контрактов со странами Бенилюкса, поставки СПГ из США вкупе с мерами жесткой экономии помогли государствам Старого Света пережить судьбоносный для мира 2022 г., но в то же время отчетливо показали, что Евросоюз нуждается в новой «дорожной карте» в энергетической сфере.

Еще один вызов, с которым в недалеком будущем, возможно, придется столкнуться как ЕС в целом, так и крупнейшим странам Старого Света, – риск торговых войн и наметившееся замедление роста экономики КНР. Возможная победа на предстоящих президентских выборах в США сторонников протекционизма или резкий спад в экономике «мастерской мира» могут вызвать «эффект домино» и рикошетом ударить по ведущим отраслям европейской экономики. К общей волатильности мировых рынков добавляются доморощенные проблемы Европы и, в первую очередь, ФРГ, экономического флагмана ЕС. «Значительный подъем цен на энергоснабжения в 2022 г. прервал выздоровление экономики, инфляция лишила домохозяйства покупательной способности, а недавно поднятая ключевая ставка легла тяжелым бременем на строительную отрасль», – отмечал немецкий еженедельник *«Der Spiegel»* [Deutsche Wirtschaft ..., 2023].

Но настоящая «ахиллесова пятая» Евросоюза, стремящегося обрести «стратегический суверенитет», – его военная слабость. Как уже отмечалось выше, европейская интеграция изначально задумывалась как политический и отчасти экономический проект, в то время как военная составляющая была практически полностью отдана на откуп США и НАТО. Такое «разделение труда» прекрасно работало и в годы холодной войны, и в последовавшие за ней полтора десятилетия. И хотя некоторые политики в столицах ЕС время от времени задумывались о создании европейской армии, а политики с Капитолийского холма порой метали громы и молнии в адрес союзников по НАТО, не желающих повышать оборонные расходы до заветной отметки 2% ВВП, такое положение вещей устраивало обе стороны. Однако переориентация внешней политики Соединенных Штатов с евро-атлантического направления на азиатско-тихоокеанское, приход к власти Д. Трампа и осознание европейскими элитами необходимости обретения военного суверенитета посредством создания эффективной европейской обороны привели к переосмыслению ситуации по обе стороны Атлантики.

Ответом на новые вызовы должна была стать запущенная в 2017 г. платформа Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны (англ. Permanent Structured Cooperation, PESCO), призванная помочь ЕС обрести

военную силу, не ставя под сомнение целесообразность существования структур Североатлантического альянса. «Изначальной целью PESCO, как отмечают аналитики, было запустить процесс, который сообщил бы Европейскому союзу способность “без содействия со стороны США” справляться с кризисами, которые возникают за пределами ЕС, но так или иначе воздействуют на Союз», – отмечал российский исследователь Ю. Никуличев [Никуличев, 2018, с. 51]. Ключевая особенность PESCO заключалась в том, что, в отличие от предыдущих проектов, эта платформа, во-первых, была нацелена на долгосрочную перспективу, а, во-вторых, выходила за рамки осевого франко-германского сотрудничества и охватывала 25 европейских стран, включая на тот момент нейтральные Финляндию и Швецию. О серьезности намерений европейских политиков свидетельствует не только географический охват платформы PESCO, но и высокий уровень кооперации ее участников в самых различных сферах, начиная с обмена разведывательной информацией и совместных учений и заканчивая производством новых видов вооружений (танки, БПЛА и др.). Однако первые «всходы» посевленных рукой европейских политиков «семян» мы увидим, вероятно, не раньше середины 2020-х годов.

Однако уже сейчас очевидна тенденция к милитаризации Старого Света, что проявляется, в частности, в увеличении оборонных расходов стран ЕС за прошлый год. По данным Стокгольмского института изучения мира, в 2022 г. европейские страны увеличили расходы на оборону на 13%¹ (см. табл. 1) [Armaments, …, 2023, р. 8]. Впрочем, заветной цели в 2% ВВП удалось достичь далеко не всем участникам этого оружейного «марафона». Так, в 2022 г. военный бюджет экономического флагмана ЕС, ФРГ, несмотря на щедрые финансовые инъекции правительства, громогласно объявившего устами канцлера О. Шольца о наступлении новой эпохи (*нем. «Zeitenwende», «смена эпохи»*), пока достиг лишь отметки 1,4% ВВП.

¹ Эта цифра выглядит еще более внушительно по сравнению с 2013 г. – годом, который предшествовал началу череды международных кризисов.

Таблица 1
Динамика военных расходов европейских стран в 2022 г.

Регион	Военные расходы (млрд долл.)	Изменения по сравнению с 2020–2021 гг. (в %)
Европа	480	13
Центральная и Западная Европа	345	3,6
Восточная Европа	135	58

Источник: [Armaments ... , 2023, p. 10].

Не меньшей проблемой для оборонных ведомств европейских столиц является состояние многих армий Старого Света, которое, по единодушному мнению как экспертов, так и самих политиков, весьма далеко от оптимального. Так, например, положение дел в немецком бундесвере, которое еще в период канцлерства А. Меркель (2005–2021) было одновременно предметом бесчисленных шуток, гневных филиппик и сожалений, не слишком изменилось за год пребывания у власти «светофорной коалиции». «Бундесвер не готов к участию в боевых действиях, поскольку поставки в Украину привели к образованию больших “дыр”. Бундесвер испытывает недостаток всего: материалов, персонала. И страдает от большого количества основных и дополнительных задач», – вынуждена была признать уполномоченная по делам бундесвера Ева Хёгль [«Wehrbeauftragte ... , 2023】.

Впрочем, запущенная программа перевооружения только начинает набирать ход. Но даже в случае создания эффективной европейской армии Старый Свет будет находиться в зависимости от американской ядерной триады.

Враг, друг, союзник?

На мировой политической арене практически любая, даже великая держава нуждается в союзниках, которые окажут поддержку в случае военного конфликта, обеспечат ей прочные позиции в том или ином регионе и т.д. Эта проверенная временем истина становится еще более актуальной в период политической турбулентности, крушения привычной картины мира, возникновения новых центров силы и т.д.

Главным союзником Европы на протяжении многих десятилетий были Соединенные Штаты, чье влияние на Старый Свет по-прежнему велико и проявляется самым различным образом, начиная от авиабазы ВВС США Рамштайн на территории Германии и заканчивая голливудскими фильмами. Трансатлантические отношения не раз переживали и взлеты, и падения: в Европе помнят и воздушный мост в Западный Берлин, и «ледниковый период» в отношениях, последовавший за победой на президентских выборах эксцентричного американского миллиардера. Приход в Овальный кабинет Дж. Байдена, воспринятый частью европейских элит и общественности как возвращение к «нормальности», действительно способствовал нормализации отношений между США и ЕС. А нынешнее противостояние «коллективного» Запада и России способствовало укреплению трансатлантических отношений. Безусловно, Соединенные Штаты останутся главным партнером ЕС в обозримом будущем во многих политических, экономических и особенно военных сферах.

Однако ни многочисленные официальные встречи с участием высокопоставленных представителей Вашингтона, Берлина и Парижа, ни заверения в дружбе не в силах скрыть все противоречия, накопившиеся в евро-атлантических отношениях за последние 20 лет. Начавшийся еще при Б. Обаме постепенный перенос центра тяжести дипломатических, военных и экономических усилий США с евро-атлантического на азиатско-тихоокеанское направление, ныне полностью утвердившийся в американской внешней политике, уже мало зависит от того, представитель какой политической партии является хозяином Белого дома. О приоритетах Вашингтона в XXI в. лучше всего свидетельствует создание в АТР нового военно-политического блока AUKUS (США, Великобритания, Австралия) и связанный с этим скандал по поводу продажи Австралии американских подводных лодок, едва не приведший к серьезному разладу в отношениях между Францией, с одной стороны, и странами – участниками AUKUS – с другой.

Изменившуюся динамику на «великой шахматной доске» хорошо чувствуют и в высоких кабинетах европейских столиц. Именно поэтому ЕС в буквальном смысле «обречен» на поиск новых если не союзников, то, по крайней мере, ситуативных партнеров. В этом отношении весьма показателен саммит G20, прошедший в

Нью-Дели в сентябре 2023 г., по итогам которого премьер-министр Индии Н. Моди анонсировал создание «Экономического коридора Индия – Ближний Восток – Европа», который должен связать Восток с Европой и стать своего рода альтернативой китайскому проекту «Один пояс – один путь» [Моди анонсировал … , 2023].

Гораздо более трудной задачей для Евросоюза представляется налаживание отношений с Россией, Китаем, Турцией. События 2022 г. в буквальном смысле отбросили отношения России и Европы на несколько десятилетий назад, в эпоху холодной войны, однако не избавили обе стороны от соседства друг с другом. Будущее взаимоотношений России и Европы сейчас застилают клубы дыма от разрывов артиллерийских и танковых снарядов на полях Запорожья, Херсонщины, Донбасса. Но залпы орудий рано или поздно стихнут, и тогда заговорят дипломаты. Какую повестку сможет предложить ЕС? Победит прагматичный подход или точка зрения восточноевропейских стран, за которыми стоят Лондон и Вашингтон? Ответы на эти вопросы пока скрывает плотный туман войны, причем не только конвенциональной, но и информационной.

Тем временем Турция, которая под руководством президента Р.Т. Эрдогана ныне проводит все более независимую, активную, а иногда и достаточно агрессивную внешнюю политику (Ливия, Сирия, Южный Кавказ), фактически превратилась для ЕС в своего рода «*enfant terrible*». Саммит ЕС в Гранаде в октябре 2023 г., который демонстративно бойкотировал президент Турции, красноречивее любых заявлений говорит о состоянии дел в отношениях между Брюсселем и Анкарой. Вместе с тем Евросоюз нуждается в поддержке Турции по целому ряду вопросов, начиная с обеспечения южного фланга НАТО и регулирования потоков нелегальной миграции и заканчивая продлением зерновой сделки между Россией, Украиной, Турцией и ООН.

Что же касается отношений ЕС с Китаем, то и здесь сложившаяся в 2000-е годы формула «*business first*» все чаще ставится под сомнение. В то время как флагманы европейской индустрии продолжают вести активную торговлю с Пекином и подсчитывать прибыли от продаж автомобилей и станков, в политических кругах ряда европейских стран начинают задумываться о пересмотре политики в отношении Поднебесной. Китайская инициатива «Один

пояс – один путь», которую многие считают замаскированной экономической экспансией, напряженность в отношениях между Пекином и Вашингтоном становятся поводами для критики КНР в Брюсселе и ряде европейских столиц.

Построение крепости

«Крепость – позиция, в которой защищающаяся сторона имеет дефицит в материале, но более сильная сторона не может добиться какого-либо решающего прогресса», – гласит шахматная наука.

Евросоюз, столкнувшийся с целым рядом разноплановых вызовов и пребывающий в жестком цейтноте, скорее всего, будет вынужден в ближайшее время, используя свои ресурсы, выстроить «крепость» на «великой шахматной доске» мировой политики, которая позволит ему устоять перед лицом мировых кризисов. У ЕС достаточно сил и средств не только для отражения вызовов реализации своей стратегии в среднесрочной перспективе, но и для превращения в полюс силы на мировой политической арене. Главными препятствиями на этом пути являются, в первую очередь, недостаток политического единства и военная слабость, подлинная «ахиллесова пята» ЕС. От того, удастся ли европейцам справиться с этими вызовами, зависит будущее европейского континента.

В связи с этим для ЕС возможны несколько сценариев развития, каждый из которых имеет те или иные шансы на реализацию.

Первый сценарий предполагает преодоление (или, по крайней мере, «приглушение») старых конфликтов, создание боеспособных вооруженных сил и выработку единой стратегии, что является заветной целью многих европейских политиков. В этом случае ЕС превратится в полноценный центр силы, который, хотя и будет нуждаться в поддержке Вашингтона (в первую очередь – военной), сможет проводить все более самостоятельную политику на мировой арене. Однако, как отмечалось выше, претворение в жизнь этого амбициозного плана потребует немалых усилий как от ЕС в целом, так и от ведущих европейских держав.

Второй сценарий предполагает, что ЕС, хотя и будет иметь шансы продвинуться по пути политической интеграции и повышения обороноспособности, в силу ряда причин и обстоятельств не сможет полностью реализовать эту повестку. На ряде направле-

ний Евросоюз сумеет добиться существенных успехов. Но сохраняющееся напряженность между различными региональными группировками и союзами, нестабильность на восточных и юго-восточных границах ЕС и недостаточная боеготовность европейских вооруженных сил заставит Старый Свет следовать в фарватере политики Вашингтона.

И, наконец, при самом неблагоприятном сценарии Евросоюз может утратить часть своих позиций на экономических рынках, не справиться с грузом политических, социальных и национальных проблем и превратиться в зрителя в театре большой политики.

По какой колее пойдет Евросоюз в ближайшие годы? Ответ на этот вопрос по сложности напоминает доказательство гипотезы Пуанкаре – с той лишь разницей, что, в отличие от математического научного сообщества, у европейских политиков нет сотни лет для выработки решения. Время не ждет...

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Белинский А.В. (2023). В авангарде контрреволюции : движение идентаризма в Западной Европе и новые формы крайне правых движений // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 3. – (В печати) [Belinsky A.V. (2023). At the forefront of the counterrevolution : the Identitarian movement in Western Europe and new forms of extreme right movements [V avant-garde kontrrevoljutsii : doizhenie identarizma v Zapadnoi Evrope i novye formy kraine pravykh dvizhenii] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 3. – (In press)]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2023.03.08.

Безжинский З. (1999). Великая шахматная доска : господство Америки и его геостратегические императивы. – Москва : Международные отношения. – 256 с. [Brzezinski Z. (1999). The great chessboard : American ascendancy and its geostrategic imperatives [Velikaja shahmatnaja doska : gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy]. – Moscow : Mezhdunarodnye otnoshenija. – 256 p.]. (In Russian).

Никуличев Ю.В. (2018). Пробуждение «спящей красавицы» : программа PESCO между атлантизмом и европеизмом // Проблемы европейской безопасности / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 3. – С. 47–63 [Nikulichev Yu.V. (2018). Waking sleeping beauty : program PESCO between Atlanticism and Europeanism [Probuzhdenie «spящей красавицы» : programma PESCO mezdu atlantizmom i evropeizmom] // European security challenges / RAN, INION. – Moscow. – N 3. – P. 47–63]. (In Russian).

Егорова-Гантман Е.В., Егорова Е. (2022). Унижение и месть в международных отношениях : политико-психологический анализ. – Москва : Грифон. – 560 с. [Egorova-Gantman E.V., Egorova E. (2022). Humiliation and revenge in interna-

tional relations : political and psychological analysis [*Unizhenie i mest' v mezhdunarodnyh otoshemijah : politiko-psihologicheskij analiz*]. – Moscow : Griffin. – 560 p.]. (In Russian).

Макрон заявил о «смерти мозга» НАТО. (2019) // ТАСС. – Москва. – 07.11. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7088640> (дата обращения: 04.12.2023) [Macron declared NATO «brain death» [*Makron zjavil o «smerti mozga» NATO*]. (2019) // TASS. – Moscow. – 07.11. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7088640> (date of access: 04.12.2023)]. (In Russian).

Моди анонсировал коридор из Индии в Европу через Восток. (2023) // Вести. – Москва. – 09.09. – URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/3543010> (дата обращения: 04.12.2023) [Modi announced a corridor from India to Europe through the East. (2023) // Vesti. – Moscow. – 09.09. – URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/3543010> (date of access: 04.12.2023)]. (In Russian).

Armaments, disarmament and international security : SIPRI yearbook 2023. (2023) / Stockholm international peace research institute (SIPRI). – Stockholm. – 28 p. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-06/yb23_summary_en_0.pdf (date of access: 04.12.2023).

Ash T.G. (2023). Postimperial empire : how the war in Ukraine is transforming Europe // Foreign affairs / Council on foreign relations. – New York. – 18.04. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/europe-war-russia-postimperial-empire> (date of access: 04.12.2023).

Deutsche Wirtschaft schrumpft 2023 deutlich. (2023) // Der Spiegel. – Hamburg. – 28.09. – URL: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/unternehmen/konjunkturprognose-deutsche-wirtschaft-schrumpft-2023-um-0-6-prozent-a-353a8756-a6f9-4053-ba14-558e7307d023> (date of access: 04.12.2023).

Erlanger S. (2023). Ukraine war accelerates shift of power in Europe to the East // The New York Times. – New York. – 26.01. – URL: <https://www.nytimes.com/2023/01/26/world/europe/eu-nato-power-ukraine-war.html> (date of access: 04.12.2023).

European Union GDP 1970–2023. (2023) // Macrotrends. – Seattle, WA. – URL: <https://www.macrotrends.net/countries/EUU/european-union/gdp-gross-domestic-product> (date of access: 04.12.2023).

GDP based on PPP, share of world. (2023) / International Monetary Fund. – Washington, D.C. – URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/EU/CHN/USA> (date of access: 04.12.2023).

Polen will mehr : der Aufstieg zur Militärmacht. (2023) // WDR Doku. – Köln. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=B_KsmSV7k1Q (date of access: 04.12.2023).

Ross J. (2023). Zeugen einer Entfremdung // Internationale Politik. – Berlin. – 28.08 – URL: <https://internationalepolitik.de/de/zeugen-einer-entfremdung> (date of access: 04.12.2023).

Teltschik H. (2019). Russisches Roulette vom kalten Krieg zum kalten Frieden. – München : C.H. Beck. – 234 S.

Weidenfeld W. (2021). Die Europäische Union. – Stuttgart : Utb. – 232 S.

«Wehrbeauftragte über Truppen-Zustand» : Interview. (2023) / Deutscher Bundestag. – Berlin. – 02.06. – URL: <https://www.bundestag.de/parlament/wehrbeauftragter/reden/20230602-t-online-951424> (date of access: 04.12.2023).

DOI: 10.31249/ape/2024.01.07

Belinsky A.V.¹
The Poincaré equation
on «the grand chessboard»:
can the EU become a pole of power
in the 21st century?

Abstract. The article examines the capacities of the European Union to become a pole of power in the 21st century. It is noted that European integration was originally conceived as a project to overcome hostility between European peoples, to heal the wounds inflicted on the Old World by the two world wars, as well as to promote economic development. After the end of the Cold War in 1991 and the formation of the European Union in 1992, the countries of the continent entered a period of relative political stability and economic growth. However, having acquired political subjectivity, the EU has not fully become a pole of power, like the United States, China or the Russian Federation. The growing number of challenges in world politics (reorientation of US foreign policy from European direction to Asia-Pacific, migration, terrorism, etc.) gradually led the European elites to the conclusion that it was necessary to intensify the process of economic and military integration to protect their interests on the world stage. The victory of D. Trump, Brexit, the deterioration of EU relations with Russia and, finally, the events of 2022 accelerated this process.

The article analyzes the challenges and problems that the EU will have to face in the near future. Various scenarios for the development of events are considered. Particular attention is paid to the assessment of the economic, military and political potential of the European Union, its ability to respond to internal and external challenges. It is concluded that

¹ **Belinsky Andrey Victorovich** – PhD in Political Sciences, Senior Researcher, INION RAN; belinskii_andrei@mail.ru

the EU can become a pole of power only if relative political unity is achieved and combat-ready armed forces are created. But this will require the European Union not only to develop a new strategy, but also to make considerable efforts.

Keywords: EU, Germany, USA, military development, crisis of the system of international relations.

Статья поступила в редакцию (Received) 20.10.2023
Доработана после рецензирования (Revised) 22.10.2023
Принята к публикации (Accepted) 24.10.2023